

МЯГКОВ А.Ю. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕННЫЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ САМООТЧЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ. М.: ИЗД-ВО «ФЛИНТА», НАУКА, 2002.

*Даже календарь иногда врёт
Еврейская народная пословица*

Монография А.Ю. Мягкова представляет собой фундаментальный труд, посвященный методике и технике получения социально-демографической информации. Вопросы о возрасте, поле, уровне образования давно стали привычными в массовых опросах, а потому редко подвергаются методической рефлексии. Автору удалось в очевидных для многих социологов переменных обнаружить явные аномалии. Филигранно сделанные обзоры зарубежных исследований дополняются экспериментальным материалом, собранным научными сотрудниками кафедры социологии Ивановского государственного энергетического университета. Коллекция библиографических источников точно репрезентирует описываемую автором проблематику и является самостоятельным произведением. Работа других исследователей уже в значительной мере облегчена благодаря корректному представлению корпуса литературы, посвященной социально-демографическим характеристикам.

Книга написана чистым, не допускающим разночтений языком. Каждое утверждение построено либо на результатах методических экспериментов, либо на логических допущениях, принятых автором. Это делает работу доступной для фальсификации (по Попперу) и подталкивает на поиск проблематичных выводов. Рассмотрим выводы, содержащиеся в трех основных главах.

Измерение возраста респондента. Представления о возрасте уже давно перестали быть единообразными. Расширение этого понятия стало возможным с введением в язык науки метафоры поэтапного развертывания жизни. Отсюда необходимость выделения этапов, основания которых могут быть самыми разными. Календарь позволяет выделять хронологический возраст, интенсивность обмена веществ — биологический, наблюдаемые характеристики индивида — функциональный, социальные статусы и роли — социальный и т. д.

Календарный и биологический возраст — это точные числовые характеристики. Здесь можно дискутировать о мерах измерения — как измеряется время или физиологические процессы обмена веществ — суть дела не меняется. Признак возраста остается неизменным атрибутом каждого конкретного человека, а его средние показатели — репрезентируют человеческие популяции.

Остальные же возрасты контекстуально обусловлены, поскольку зависят либо от непосредственного восприятия, либо от норм, его регулирующих. Показатели таких возрастов перестали быть числами, они всего лишь маркеры определенных характеристик. Если календарный или биологический воз-

раст располагаются на числовой шкале, то другие возрасты, — по крайней мере, на порядковой, которую в большинстве случаев еще нужно сконструировать. Конечно, мы можем предложить индивиду уже готовую шкалу, например, экономического возраста, но что будут репрезентировать ответы на такой вопрос, одному богу известно. Поэтому разные типы возрастов представляют собой вторичные переменные, построенные на предположениях и гипотезах исследователя.

Упомянув о разных возможностях конструирования возраста, А.Ю. Мягков подробно останавливается на его хронологическом представлении. И здесь происходит удивительная метаморфоза — наиболее яркое достоинство хронологического возраста, его числовая природа почему-то становится камнем преткновения в статистическом анализе: «погодичные распределения, в некоторых случаях весьма удобные, могут оказаться крайне затруднительными, а часто и вовсе неприемлемыми в корреляционном анализе». Отсюда ставится задача избавления от чисел с помощью понижения шкалы до уровня ранговой. Если речь идет о построении вторичных переменных, когда хронологических возраст выступает основанием для конструирования ненаблюдаемых признаков, отказ от количественных характеристик с лихвой окупается открывающимися возможностями дополнительных интерпретаций. Но автор ставит другую задачу — задачу шкалирования возраста и унификации получаемых шкал¹. Интерпретация данных подменяется решением технических задач, связанных с выбранным инструментарием. Недооценка же проблемы определения возраста, по мнению автора, сводится к «отсутствию в современной науке общепринятой классификации этапов человеческой жизни и единых принципов ее разбивки на возрастные группы».

Неприязнь автора к числовым значениям прослеживается на протяжении всей книги. Так вопрос о количестве детей он так же предлагает закрывать, поскольку закрытая форма более целесообразна. «Шкалу можно сжать до двух градаций (один ребенок, двое и более детей), но можно и растянуть, скажем, до 10 пунктов». Отсюда формулируется задача определения оптимального числа позиций, которую автор виртуозно решает: шкала должна зависеть от региона, в котором проходит опрос, а в качестве критерия можно брать данные официальной статистики. Исходя из данных переписей 1989 и

¹ Автор обосновывает свое стремление к шкалированию на уровне анкетного вопроса смещениями, которые связаны с такими тенденциями, как (1) склонность женщин к занижению возраста, (2) пожилых людей и подростков к преувеличению, (3) проблемой округления даты рождения. Однако проблемы, возникающие в результате неоднозначности распределения возраста в рамках одного шкального значения, могут превосходить проблемы, связанные со смещениями в ответах. Ведь, чтобы однозначно интерпретировать шкалы, мы должны придерживаться гипотезы о нормальном распределении ответов в пределах одного значения. В случае же смещения ответов к граничным значениям интервалов дальнейший анализ будет нецелесообразен. Во всяком случае, решение данной проблемы не может быть унифицировано. От исследователя требуется ее решать заново при проектировании массового опроса, затрагивающего новую тематику или отражающего новую генеральную совокупность.

1994 годов, оптимальная шкала для общероссийской выборки будет состоять из трех пунктов: один, двое, трое и более детей.

Измерение уровня образования. Уровень образования — концепт, который не сводится к четко заданной группе переменных. Автор не говорит об этом прямо, но весь ход его рассуждений приводит именно к такому выводу: «уровень образования — это своеобразный пучок переменных, включающих в себя образованность, культурность, интеллигентность, воспитанность, а также возрастные и социально-статусные характеристики индивидов». Конечно, приводимые автором переменные — это не операциональные определения, они суть концепты. Однако ему незачем проводить их операционализацию, поскольку в конце концов они оказываются элементами одной комплексной переменной — уровня образования. Таким образом, разрушается уже построенное представление о целостности концепта, ибо он не более чем конкретный вопрос, задаваемый в социологических исследованиях. Дальше задача заметно упрощается — нужно лишь выбрать наиболее подходящую формулировку.

Репертуар рассматриваемых автором формулировок состоит из следующих вопросов: (1) ваше образование? (самая распространенная формулировка, предлагаемая с разными вариантами ответов); (2) какое учебное заведение вы окончили? (ВЦИОМ, открытый вопрос); (3) вопрос о количестве лет, потраченных на обучение (рекомендованный ООН); (5) сколько лет школы вы окончили (Т. Роджерс); (4) ваше образование на данный момент? (ИСПИ РАН, 1993). Каждая формулировка, по мнению автора, представляет собой искомую комплексную переменную, указывающую на уровень образования. Эта посылка приводит его к утверждению, что количественная шкала, используемая в вопросе о годах обучения, «ненадежна с метрологической точки зрения и сомнительна в плане обеспечения валидных измерений». Основным аргумент состоит в том, что каждый год обучения может вносить неравный вклад в общий уровень образования. Кроме этого, автор добавляет, что «образование, в отличие от возраста или дохода, — дискретный признак» и «образование представляет собой интенсивную (а не экстенсивную) величину, которая не обладает свойством аддитивности». Отсюда удобная для восприятия формулировка, позволяющая респонденту вспомнить релевантную информацию, становится неадекватной для измерения уровня образования. Причина этого лежит в наивном желании автора отождествить анкетный вопрос с концептуальным определением, разрешив тем самым проблемы, связанные с интерпретацией анкетных вопросов и с построением теоретических объяснительных схем.

Стремление к выработке унифицированных вопросов подталкивает автора при конструировании шкал обратиться к государственным стандартам. Развивая мысль В.А. Гайдиса о том, что понятия, фиксирующие уровень образования, в социологии не должны отличаться от аналогичных понятий в практике статистического учета, А.Ю. Мягков утверждает, что они не должны отличаться и от постановлений органов государственной власти². Эталон

² Требование приведения шкалы в соответствие с государственными стандартами оправдано, если мы хотим репрезентировать генеральную совокупность по критерии

ном для построения шкалы становится Закон РФ об образовании (июль 1992 года.), в котором выделяется дошкольное, общее, начальное профессиональное, среднее профессиональное, высшее профессиональное и послевузовское профессиональное образования. Отсюда становится понятным вывод автора об устаревании разработанных ранее шкал, поскольку они «не учитывают особенности современной российской системы образования». Социологи ВЦИОМ и вовсе допускают грубейшее отклонение от государственного стандарта, относя к «категории лиц с высшим образованием, наряду с дипломированными специалистами, людей окончивших 3-4 курса вуза». По мнению автора «с одной стороны, здесь наблюдается явное несоответствие подсказок содержанию ступеней отечественной системы образования, а с другой стороны, не учитывается ее динамика за последние годы».

Исходя из проделанной ментальной работы, автор предлагает несколько обновленных формулировок. Первый вопрос: какое общее образование вы получили? Варианты ответов: (1) 4 класса до 1972 года и с 1990 или 3 класса с 1972 года; (2) 5-6 классов, 7 классов с 1961 года, 8 классов с 1990 года; (3) 7 классов семилетки, 8-9 классов 10-летки или 9-10 классов 11-летки; (4) общее полное среднее (10 классов 10-летки или 11 классов 11-летки). Второй вопрос: Какое специальное (профессиональное) образование вы получили? Варианты ответов: (1) профессионально-техническое (ПТУ, ПЛ); (2) среднее специальное (техникум, колледж, педагогическое, художественное, медицинское и т.д. училище); (3) неполное высшее (не менее 2-х курсов вуза) и/или незаконченное высшее (не менее 3-х курсов вуза), (4) высшее; (5) аспирантура. Осталось лишь провести серию пилотажных исследований, чтобы показать несостоятельность таких формулировок³.

Получение информации о семейном положении. Измерение семейного статуса респондентов представляет собой значительную методическую проблему. Это настолько очевидно, что не требует проведения методических экспериментов. По крайней мере, автор опирается не на данные экспериментов, а на логический анализ формулировок. Предметом критики выступает вопрос: «ваше семейное положение?» Во-первых, «формулировка слишком широка и абстрактна». Во-вторых, в ней нарушены «элементарные логические требования к вопросительным высказываниям», поскольку респонденту неясно «какие именно сведения о своей семье они должны сообщить». В-третьих, предлагаемые варианты ответов, не соответствуют сформулированной ранее просьбе, так как «формулировка требует от респондента сведений

рию образования, поскольку основная информация о генеральной совокупности содержится в органах государственной статистики. Однако, во-первых, данное требование ограничено довольно узким кругом задач и не может распространяться на все социальные исследования. Во-вторых, не стоит ли подвергнуть сомнению данные государственного комитета статистики?

³ Конечно, данное утверждение лишь гипотеза. Однако ее возникновение обусловлено тем, что автор не хочет принимать во внимание респондента, он последовательно не замечает проблем восприятия и интерпретации вопросов, особенностей поиска в памяти релевантной информации и редактирования ответа. Поскольку первый вариант был составлен исходя из умозаключений самого автора, с 99,9% вероятности такой вопрос будет приводить к значительным смещениям.

о его семейном положении, а ответные альтернативы ориентируют его на описание брачного статуса». Чтобы уйти от самостоятельно сформулированных затруднений, А.Ю. Мягков предлагает операционализировать семейное положение посредством составления вопросов о брачном статусе, детях и семье. Но такой способ сбора информации, по мнению автора, не единственный: «более эффективны универсальные вопросы». Поэтому без формулировки «ваше семейное положение» не обойтись, но «было бы лучше заменить ее более нейтральной — «к какой из ниже перечисленных категорий людей вы себя относите?»

* * *

Обсуждение социально-демографических вопросов ведется сквозь призму процедур, позволяющих получить достоверную информацию. Основная задача, стоящая перед социологом — предотвращение лжи или «стимулирование искренних ответов», или «получение максимально правдивой информации». Отсюда, различие правды и обмана становится основополагающей задачей методиста. Для этого нужно принять допущение о том, что респонденты не всегда отвечают правдиво на сенситивные вопросы о себе. Поскольку демографические вопросы касаются личностных характеристик респондентов, то они подчас лгут, отвечая на вполне безобидные с точки зрения социолога вопросы о поле, возрасте или образовании. Правда и ложь, искренность и неискренность — понятия обыденного языка, эмоционально и этически нагруженные. Для их введения в социологическую практику необходимы дополнительные признаки, сопоставляемые с ответом и обычно называемые «объективной» информацией. С одной стороны есть ответы респондента, с другой — некоторый объективный их эквивалент. Именно с помощью данного различия А.Ю. Мягков ставит проблему достоверности социально-демографической информации: «вопросы о роде занятий и социальном положении не могут адекватно зафиксировать объективный социально-профессиональный статус человека».

Критерии «объективной» информации, вроде бы очевидные для поведенческих вопросов, относящихся к прошедшим событиям, становятся достаточно проблематичными для остального корпуса анкетных вопросов. В одних случаях автору приходится обращаться к государственным стандартам, в других, вслед за Д. Берманом, Х. Макомбсом и Р. Борух, полагаться на предположение о прямой зависимости достоверности получаемой информации от положительных ответов на сенситивные вопросы. Наконец, он вынужден полагаться на процедурные допущения. Например, рассматривать совпадения ответов в повторных опросах (test-retest), количество отказов от ответа как меру достоверности / недостоверности или самостоятельно проектировать ситуацию обмана⁴. Особый способ воспроизвести «ситуации обма-

⁴ В одном исследовании (март-апрель 1999) респондентов просили ответить на вопросы анкеты дважды через небольшой промежуток времени исходя из разных установок. В первый раз «их просили дать максимально искренние ответы («для себя»), а во второй — ответить так, как бы они отвечали в том случае, если бы не были уверены в конфиденциальности опроса и не доверяли интервьюеру». В другом — (февраль 2001) респондентам задается следующий вопрос: «какие факторы из числа

на» — задать прямой вопрос. А.Ю. Мягков использует разные варианты, например: «как вы считаете, люди обычно говорят правду или неправду, отвечая на вопросы социологов о том, за кого они собираются голосовать на выборах?» или «были ли вы искренними, отвечая о том, за кого из кандидатов вы проголосуете?» Любопытно, что автор не задумывается, насколько искренни респонденты, отвечающие на данные вопросы. В любом случае, перед анализом полученного распределения ответов, полезно установить каковы критерии искренности у самих респондентов. Может быть они основаны на сопоставлении ответов о голосовании с последующим, реально сделанным выбором кандидата?

Пытаясь опровергнуть теорию «правдивого респондента», автор фальсифицирует собственные утверждения о состоятельности категории «искренности», поскольку явно показывает искусственность ее происхождения. Для выявления лжи требуется создать процедуры ее обнаружения, т.е. приписать респонденту нормы «правильного» вербального поведения, решить за него, кем он является на самом деле.

Монография А.Ю. Мягкова заставляет задуматься над методическими приемами, казавшимися ранее очевидными. Проблемные и пока лишь гипотетически фальсифицируемые выводы автора создают хороший задел для развертывания широкой программы методического экспериментирования на материале социально-демографических переменных.

Д.М. Рогозин,
кандидат социологических наук

предложенных ниже могли бы в наибольшей степени повлиять на ваше решение о том, как отвечать на вопросы: искренне или не искренне?»